

Искандер Арысов

Ворота в Азию

Искандер Арысов

Ворота в Азию

«Автор»

2026

Арысов И.

Ворота в Азию / И. Арысов — «Автор», 2026

1975 год. Студент Чимкентского педагогического института Сарымерген Арыстанбеков получает, казалось бы, простое задание — написать курсовую работу о родном городе Арысе. Но в пыльных архивах, в старых письмах, в дневниках ушедших инженеров, в рассказах стариков он находит нечто большее. Голоса. Голоса тех, кто строил этот город на песке, кто вкладывал в него не только руки, но и души. Голоса музыкантов, учителей, инженеров, скрипачей, солдат и мечтателей — всех, кто превратил маленькую станцию в ворота между мирами. Через судьбы людей — дореволюционного инженера Шадрина, расстрелянного в 1937-м учителя Жилиева, старой Марии Петровны, помнящей Арыс ещё девочкой, — перед читателем разворачивается эпическое полотно жизни города, вставшего на границе степи и стали, прошлого и будущего. «Ворота в Азию» — это роман-гимн городу и людям, из пепла и песка создавшим историю, которая не могла исчезнуть. Потому что песок поёт. И пока есть те, кто умеет слушать, голоса ушедших никогда не умолкают.

© Арысов И., 2026

© Автор, 2026

Искандер Арысов

Ворота в Азию

Пролог. Песок, который помнит

Бывает такая тишина, которая не молчит.

Она не похожа на тишину пустой комнаты, где часы тикают громче собственных мыслей. Она не похожа на тишину ночи, когда город спит и только ветер бродит по улицам, трогая ставни и шевеля листву тополей. Эта тишина — другая. Она наполнена. Она тяжелая, как вода в глубоком колодце, и легкая, как утренний туман над степью. Она дышит, она ждет, она помнит.

Тот, кто умеет слушать, услышит в ней голоса. Сначала они приходят издалека, как эхо, потерявшее дорогу домой. Потом они становятся яснее, обретают плоть, тепло, дыхание. Они начинают говорить — не словами, а чем-то более древним. Тем, что было до слов. Тем, что будет после них.

Они говорят о песке.

Песок — это память земли. Он хранит всё. Каждый шаг, каждое дыхание, каждую слезу, каждую каплю крови, пролитую на него. Он не забывает. Он ждет, пока кто-то придет и спросит: «Что ты видел? Что ты слышал? Кто прошел по тебе до меня?»

И песок отвечает.

Он помнит, как здесь, на этой земле, еще до рождения города, до появления рельсов, до того, как человек научился плавить металл и строить дома из камня, — здесь была степь. Бескрайняя, золотая, пахнувшая полынью и свободой. По ней шли караваны, везя шелк и специи из далеких земель. По ней скакали всадники, чьи имена уже никто не помнит, но чьи песни все еще звучат в ветре. По ней кочевали целые народы, неся с собой свои богов, свои мечты, свои судьбы.

Он помнит, как однажды, много веков назад, сюда пришел человек. Он был стар, но глаза его горели огнем, который не угасает с годами. Он остановился у реки, которая тогда еще не имела имени, и долго смотрел на воду. Вода была чистой, прозрачной, и в ней отражалось небо. Человек сказал: «Это место будет жить. Здесь будет город. Имя ему будет Арыс».

И песок запомнил это имя.

Он запомнил, как строились первые дома, как забивались первые костыли, как укладывались первые рельсы. Он запомнил запах свежего дерева и горячего металла. Он запомнил голоса людей, которые говорили на разных языках, но понимали друг друга без слов, потому что все они делали одно дело — строили будущее. Он запомнил их лица — уставшие, но счастливые, грязные, но светящиеся изнутри. Он запомнил их мечты, которые они вкладывали в каждый камень, в каждую шпалу, в каждую ноту музыки, которая звучала здесь по вечерам.

Он запомнил ученический оркестр, игравший в пыльном клубе. Скрипки, виолончели, арфа — инструменты, которые казались такими же чужими в степи, как корабли в пустыне. Но они звучали. И в этом звуке было что-то такое, что делало песок теплее, а небо ближе.

Он запомнил войну. Черную, страшную, беспощадную. Он запомнил, как уходили мужчины и как не возвращались. Он запомнил слезы женщин и крики детей. Он запомнил, как музыка не умолкала даже тогда, когда вокруг умирали люди. Потому что музыка была сильнее смерти. Она была тем, что оставалось, когда ничего больше не оставалось.

Он запомнил, как город рос. Как появлялись новые улицы, новые дома, новые лица. Как менялись времена, эпохи, правители. Как одни идеи сменяли другие, как рушилось старое и строилось новое. Но песок не судил. Он только помнил. Он хранил всё — и хорошее, и плохое. Потому что память не выбирает. Она просто есть.

Он запомнил мальчика, который родился здесь в 1957 году, когда поселок только стал городом. Он запомнил, как этот мальчик бегал по его улицам, играл с друзьями, смотрел на проходящие поезда и мечтал уехать далеко-далеко, туда, где, как ему казалось, живет настоящая жизнь. Песок улыбнулся тогда, потому что знал: мальчик еще вернется. Он вернется не для того, чтобы уехать снова, а для того, чтобы остаться навсегда. Чтобы понять, что все, что он искал, всегда было здесь.

Он запомнил, как мальчик вырос, уехал в большой город, поступил в институт. Как он получил задание написать курсовую работу о своем городе и отправился в библиотеки и архивы, чтобы найти факты, даты, имена. Как он нашел не просто факты, а голоса. Голоса тех, кто жил до него. Голоса, которые звали его, шептали ему, просили его: «Расскажи о нас. Мы не хотим уходить в небытие. Мы хотим, чтобы нас помнили».

И песок запомнил, как мальчик превратился в мужчину. Как он начал писать. Как он записывал голоса ушедших, чтобы они не пропали. Как он искал их повсюду — в архивах, в письмах, в дневниках, в воспоминаниях стариков, в музыке, которая все еще звучала в воздухе. Как он нашел их всех — Жиляева, Кузнецова, Ахметжана, Марию Петровну, Замиру, деда Рафаэля, Абдуллу. И как он понял, что все они — часть одного целого, одной песни, одного голоса.

Песок помнит, как мужчина закончил свою работу. Как он стоял на сцене перед сотнями людей и говорил о своем городе, о его людях, о его музыке. Как люди плакали и аплодировали ему. Как они говорили: «Спасибо. Ты вернул нам нашу историю».

Песок помнит всё. Он помнит, как мужчина стал старцем с седой бородой и мудрыми глазами. Как он сидел на скамейке возле вокзала и смотрел на проходящие поезда. Как в его руках была книга, которую он написал много лет назад. Как он открыл ее и прочитал вслух, обращаясь к пустоте:

— Город Арыс — это песок, который поет. Это песок, который помнит всё. Каждый звук, каждое слово, каждое дыхание, когда-либо произнесенное здесь, остается в нем навсегда. И когда мы слушаем тишину, мы слышим эти голоса. Мы слышим всех, кто был до нас. И это — наше наследие. Это — наша ответственность. Это — наша любовь.

И песок снова улыбнулся. Потому что он знал: его голос будет звучать вечно. Пока есть те, кто слушает. Пока есть те, кто помнит. Пока есть те, кто поет.

Арыс — это песок, который поет. Это песок, который помнит всё.

Тот, кто умеет слушать, услышит в нем голоса. Голоса ушедших, которые не ушли до конца. Голоса тех, кто строил, кто жил, кто любил, кто страдал, кто надеялся. Они все здесь. Они ждут, когда их услышат.

Закрой глаза. Прислушайся.

Ты слышишь?

Глава первая. Корни, уходящие в песок

То, что город родился в 1900 году, вместе с железной дорогой, было для Сарымергена Арыстанбекова столь же неоспоримой истиной, как и то, что Земля круглая, а Чимкентский педагогический институт культуры имени Аль-Фараби — лучший в республике. Он вырос в Арыси, и для него, как и для всех, история города начиналась с вокзала. С того самого здания из красного кирпича, где на фасаде, если присмотреться, еще можно было разглядеть царские вензеля, въевшиеся в камень, словно старые шрамы на теле, пережившем войны, революции и, как говорили, даже взрывы на складах боеприпасов, грохот которых до сих пор отдавался в легендах местных старожил.

Сарымерген родился в 1957 году, ровно через год после того, как Указом Президиума Верховного Совета КазССР поселок был преобразован в город. Он был ровесником городского статуса Арыси, и эта мысль наполняла его странной гордостью, словно он и город росли вместе, дышали одним воздухом, пили одну воду из реки, имя которой носила их общая судьба. В

детстве он бегал босиком по горячему асфальту возле вокзала, считал вагоны проходящих составов, слушал, как гудят тепловозы, и думал, что весь мир — это железная дорога, идущая на юг, в Ташкент, и на север, в Москву, куда уезжали старшие братья и откуда привозили дикий вещи и сладкие, как сон, конфеты в шуршащих обертках.

Но нынче ему, студенту первого курса, предстояло написать курсовую работу. Тему назначил декан, сухой и важный человек с глазами-буравчиками, которые, казалось, сверлили душу насквозь: «Зарождение города, где ты родился, Арыстанбеков». Декан, чье имя Сарымерген никак не мог запомнить — какое-то длинное, сложное, с шипящими на конце, — смотрел на студентов так, будто видел в каждом потенциального предателя, который вот-вот исказит историю партии и советского народа. «В архивы, — приказал декан, — только в архивы. Официальные документы. Никаких бабушкиных сказок, слышите? Мы строим светлое будущее на фундаменте исторической правды».

Сарымерген, или, как звали его друзья, Сары, был потомком древнего рода. Его отец, человек неграмотный, но с цепкой памятью, какой обладают только те, кто не доверяет бумаге, всегда говорил, что их род ведётся от самого Арыса, прародителя казахов, от которого пошли три сына — Ак Арыс, Жан Арыс и Бек Арыс. «Мы не с вокзала, сынок, — любил повторять отец, когда они сидели вечерами во дворе, глядя на звезды, которые в степи были такими крупными, что казалось, до них можно дотянуться рукой. — Мы из древности. Из тех времен, когда ни рельсов, ни паровозов и в помине не было. Когда люди на лошадях скакали, и река Арыс была для них как мать». И хотя от этого утверждения разило сказкой, в нем была та самая правда, что живет не в датах, а в крови, в запахе полыни, в привкусе кумыса, в мелодии кюя, которая передавалась от деда к внуку через струны домбры, не спрашивая разрешения у партийных функционеров.

Имя Сарымерген — "меткий стрелок", "охотник" — он носил с гордостью, чувствуя себя последним звеном в длинной цепи предков, которые пасли отары, кочевали по долинам, били врагов и пели песни, от которых сердце сжималось и разрывалось одновременно. Он не был высоким, этот Сарымерген, и не был особенно сильным. Но в его глазах горел тот самый огонь, который, говорят, был у его деда, сражавшегося в Гражданскую войну и пропавшего без вести где-то в песках Кызылкумов. Огонь этот достался ему не по наследству, а по праву — право задавать вопросы, на которые никто не хотел отвечать.

Он начал, как и все, — с официальной версии. В областном архиве пахло сыростью и затхлостью, а пыль на папках стояла такая, что можно было писать пальцем. Хранительница архива, тетя Рая, женщина с лицом, изрезанным глубокими морщинами, словно карта древней местности, и с голосом, который скрипел, как несмазанная дверь, смотрела на него с подозрением. «Студент? — переспрашивала она, поправляя очки на цепочке. — А что тебе, студент, в наших залежах нужно? Ты бы лучше в библиотеку партийной литературы пошел. Там все чистенько, аккуратненько, без этих ваших "исторических изысков"».

Но Сарымерген уперся. Он переписывал даты: *1900 год, начало строительства магистральной Оренбург – Ташкент. Отвод земли для строительства бараков. 1905 год. Распределение 45 участков среди подрядчиков и лавочников*. Он переписывал и переписывал, пока чернила в его ручке не начали заканчиваться, а пальцы не покрылись синими пятнами, от которых потом было не отмыться. Он наткнулся на трогательное прошение аптекаря из Ташкента Авраама Сендерович-Циперсона об открытии аптеки — «покорнейше прошу разрешить открытие сельской аптеки при железнодорожной станции Арыс, дабы служить делу здравоохранения простого люда». Буквы были выведены каллиграфическим почерком, с завитушками, словно сам аптекарь боялся, что его прошение выкинут, если оно будет некрасивым.

Все это было историей, но историей чужой, скучной, словно пересказ учебника по краеведению за пятый класс. В этих бумагах не было запаха пыльных улиц Арыси, не было гомона базара, где по субботам собирались люди со всех окрестных аулов, не было криков торговцев,

продающих спелые дыни, от которых тек сок по подбородку, оставляя липкие следы. В этих бумагах не было его города.

— А до вокзала? — спросил он однажды за чаем у старого железнодорожника, дяди Касыма, который проработал на станции полвека. — Что было до всего этого?

Старик, чьи руки помнили еще паровозные рычаги, а глаза видели, как на станции останавливался сам Михаил Калинин — Всесоюзный староста, человек с лысиной и густыми усами, о котором писали в газетах, — посмотрел на Сарымергена с таким видом, будто тот спросил его, есть ли у него рога или он умеет летать.

— До вокзала? — переспросил дядя Касым, хитро щурясь и почесывая седую, как ковыль, бороду. — А ничего и не было, сынок. Степь, да река Арыс. Вон, в журнале писали: "Какой жалкий вид имеет здесь эта гроза тракта!". Мелочь, ручеек. Но вот в 1893-м, до того как рельсы сюда пришли, на месте города уже была почтовая станция. Стояла. И, говорят, один русский барин, этнограф, проезжал тут, Иван Иванович Гейер, и описал все. Правда, я сам не читал.

Это был первый звоночек. Маленький, почти незаметный, но он прозвенел в голове Сарымергена, как тот самый колокольчик на шее верблюда, который слышен за много верст в безмолвной степи. Сарымерген полез в старые газеты, в обрывки воспоминаний, которые хранили в своих сундуках бабушки, — сундуках, обитых железом, с тяжелыми замками, ключи от которых веками передавались от матери к дочери. Он начал писать письма. Не в официальные инстанции, которые требовали гербовых печатей и трех подписей, а тем, кого называли "последними из могижан" — старикам, которые еще могли помнить рассказы своих отцов и дедов.

Сначала он писал соседям, родственникам, которые разъехались по всей области. Потом — случайным знакомым, которых встречал в поезде, когда ездил домой на каникулы. Потом — совсем незнакомым людям, чьи имена находил в старых списках жителей. «Уважаемый...» — начинал он каждое письмо, выводя буквы с особой тщательностью, и объяснял свою просьбу: расскажите все, что слышали от родителей, от дедов, от тех, кто жил здесь до того, как пришли рельсы. Он писал вечерами в общежитии, когда соседи по комнате уже спали и только слышно было, как тикают настенные часы да ветер за окном воет, словно волк в степи.

Ответы приходили медленно, как караваны из далеких земель. Сначала — несколько строк, неразборчивым почерком, на клочках бумаги, вырванных из тетрадей. Потом — длинные, подробные письма, от которых пахло табаком, дымом от печек, и чем-то еще — теплом, памятью, жизнью, которая утекает сквозь пальцы, как вода Арыса в сухой летний день.

Оказалось, что жизнь в Арыси кипела и до того, как первый паровоз пронзил тишину степи своим гудком — протяжным, гортанным, от которого дрожали стекла в домах и птицы взлетали с земли, испуганные невиданным чудовищем из железа и пара. Жизнь была другой — неспешной, глубокой, как колодцы, вырытые вручную на глубине десяти-пятнадцати метров, где вода была холодной, прозрачной и сладкой, как слеза ребенка. В этих колодцах отражалось небо, и казалось, что если заглянуть достаточно глубоко, можно увидеть древние времена.

Один из его респондентов, девяностолетний аксакал по имени Шарип, выживший из ума настолько, что иногда путал Сарымергена со своим погибшим на войне сыном, однажды в бреду пробормотал, сидя на топчане в своей прокуренной мазанке: «Там, где сейчас вокзал... там были пески. Белые пески, сынок, как сахар. А до песков была школа. Не для всех — для немногих. Для тех, кто сеял хлеб не только в степи, но и в головах. Мы, говорит, не просто дорогу строили. Мы — будущее строили». Шарип замолчал на несколько минут, и Сарымерген уже думал, что старик уснул, но тот вдруг открыл глаза и добавил: «Музыка была. Я помню, как скрипка играла... Где сейчас та скрипка? Украли? Или сгорела?»

Эти слова засели в мозгу Сарымергена, как заноза. Школа. Музыка. Пески. Он не мог понять, как это все соединялось в единую картину, но чувствовал, что здесь скрыта какая-то

правда, которую официальная история стыдливо обходит стороной, как грязную лужу на чисто выметенной улице.

Он отправился в областной архив во второй раз, вооружившись не только тетрадью, но и терпением, которого у него, казалось, было больше, чем у других студентов. Тетя Рая встретила его с тем же подозрением, но он был настойчив, как муха, жужжащая в летний зной. Он копался в папках за 1918-1920 годы, трогая бумаги, которые никто не трогал десятилетиями. Пальцы его чернели от пыли, но он не останавливался.

И вот, когда он уже почти отчаялся, он нашел это. В папке с подгнившими краями, где бумаги были сложены в беспорядке, словно кто-то торопился и не успел разложить их по алфавиту. Записка, адресованная в краевой Комитет Р.К.П., датированная 16 августа 1919 года. Он прочитал ее один раз, два, три — и каждый раз строки расплывались перед глазами, словно он смотрел на них сквозь воду. А потом он перечитал их вслух, шепотом, боясь, что тетя Рая услышит и отберет драгоценный документ.

«...в поселке есть «народная консерватория, школа живописи, имеется также свой собственный ученический оркестр, который играет вполне удовлетворительно»... «Ощущается страшный недостаток в пианистах, отчего дело музыкальное страдает сильно. Заведующий отделом образования просил меня содействовать перед Комиссаром Образования Республики об откомандировании в Арысь одного пианиста».

Сарымерген замер. Пианисты. В Арыси. В том самом Арыси, который был для него просто узловой станцией, городом двух вокзалов — Арыс-1 и Арыс-2, — местом, откуда уезжают, где пахнет соляжкой и углем, где по ночам слышны гудки поездов, идущих в Ташкент и обратно. Он читал эти строки снова и снова, пытаясь представить: пыльная улица, где сейчас магазины и парикмахерские, и вдруг — звуки фортепиано. Маленький оркестр. Школа живописи.

Он представил их: инженеров, уставших от степных ветров, от бесконечной жары и от этой древней земли, которая не хотела сдаваться русским переселенцам, но жаждавших красоты, как путник в пустыне жаждет воды. Подрядчиков, которые ворочали миллионами — годовой оборот Арыси в 1910 году составлял три с половиной миллиона рублей! — и при этом думали не только о керосине и гвоздях, но и о том, чтобы их дети не были дикарями, чтобы они знали, что такое музыка, живопись, что такое душа, которая просыпается только тогда, когда слышит красоту.

Он увидел их не официальными "специалистами по строительству" с формулярами в руках, а живыми людьми с живыми сердцами, мечтавшими о культуре в этом жарком, пыльном, но таком многообещающем углу мира. Они приехали строить дорогу, но построили не только её. Они построили город. И они строили его не только из дерева и кирпича, но из звуков, из красок, из надежд, которые витали в воздухе, смешиваясь с запахом полыни и степного чая.

А еще была проблема с пианистом. Эта деталь показалась Сарымергену почти комичной. В стране бушевала Гражданская война, красные и белые сражались за каждый кусок земли, люди умирали от голода и тифа, а в маленьком поселке Арыс — простите, Арысь, как тогда писали с мягким знаком, — кто-то переживал, что некому играть на фортепиано. *«Отчего дело музыкальное страдает сильно».* Какой-то неизвестный партийный инструктор, чье имя не сохранилось в веках, искренне беспокоился о том, что музыка в Арыси не звучит в полную силу.

Сарымерген улыбнулся. Он вспомнил, как в детстве они с друзьями пробирались в Дом культуры железнодорожников, где на сцене стояло старое пианино с желтыми клавишами, и пытались извлечь из него хоть какой-то звук, но получался только скрип и дребезжание. А ведь когда-то здесь, в этом самом месте, играл ученический оркестр, и звуки скрипок, виолончелей и, возможно, фортепиано, если бы его прислали, плыли над степью, над песками, над теми самыми песками, о которых говорил старый Шарип.

Позже Сарымерген нашел и другие документы. Еще одну записку, в которой говорилось о том, что в Туркестанской Республике работают «следующие музыкальные заведения: народные консерватории в г. Ташкент с 672 учащимися и в г. Скобелево с 456 учащимися, музыкальная школа в городе Арысь с 68 учащимися и музыкально-певческое училище с 105 учащимися в г. Андижане». Шестьдесят восемь учеников! В Арыси! В маленьком поселке, который тогда даже не был городом, была музыкальная школа с шестьюдесятью восемью учениками. Это было чудо, которое не вписывалось ни в один учебник истории.

И тут же, в той же папке, лежала докладная записка заведующего местным училищем, датированная 25 августа 1918 года. «Приближается новый учебный год, — писал он, — а учителя Арыса все еще не получили зарплату за 3 месяца, чем поставлены в крайне затруднительное положение. Училищу необходимо покупать пособия, ремонтировать здания, а средств на это в бюджете нет. Вместо улучшения и расширения школьных статей в Арысе получается совершенно противоположное». И тут же — заявление учительницы Екатерины Бодрицкой, которая «крайне бедствую за отсутствием средств по причине неполучения причитающегося мне жалования».

Сарымерген перечитывал эти документы и чувствовал, как у него в груди поднимается что-то горячее, почти гневное. Как же так? С одной стороны — музыкальная школа, ученический оркестр, консерватория, живопись. С другой — учителя, голодающие, без зарплаты, с просьбами о ремонте крыши, которая протекает над головами детей. Деньги на плакаты — 381 тысяча червонных рублей, чтобы привлечь коренное население к работе на железной дороге, а на зарплату учителям — ни копейки. На агитацию — есть, на образование — нет. Миллионы на пропаганду, копейки на просвещение. Он вспомнил строки из той самой записки о вовлечении коренных жителей: «обязаны научиться читать, писать и объясняться на тюркском наречии за 6 месяцев», но при этом «количество организованных курсов зависело от кредитов». Везде нужны были деньги, и их не было, кроме тех, что тратились на плакаты.

Но Сарымерген не хотел, чтобы его исследование превращалось просто в пересказ архивных документов. Он хотел живую историю. Он решил ехать в свой родной город.

Дорога в Арысь была привычной. Он мог закрыть глаза и все равно знать, когда поезд приближается к станции — воздух становился другим, более сухим и горячим, а за окном появлялись знакомые холмы, поросшие желтой травой, которая шелестела на ветру, как шепот предков. Он вышел из поезда на перрон вокзала Арыс-1 и остановился. Вокзал стоял на своем месте, красный кирпич, царские вензеля, которые время и ветры пытались стереть, но не смогли — они были выложены так искусно, что их можно было разглядеть даже сейчас. Рядом — Арыс-2, второй вокзал, построенный позже, когда началась прокладка Семиреченской железной дороги. Город двух вокзалов — так его называли. Два вокзала, две судьбы, две эпохи, слившиеся в одной точке на карте.

По городу Сарымерген шел медленно, смотрел на знакомые улицы, на дома, на деревья, посаженные еще его дедом. Он зашел в старую часть города, туда, где дома были ниже, где земля еще хранила следы кочевий, где пахло не соляжкой, а навозом, сухим сеном и чем-то еще — древностью, которая не уходит, даже когда строятся новые дома.

Он разговаривал со стариками. Их было немного — те, кто помнил 20-е годы, 30-е, кто слышал рассказы своих отцов. Они сидели на топчанах, пили чай из пиал, в которых отражалось небо, и говорили. Говорили долго, медленно, как текут реки в середине лета. Их голоса были хриплыми, но в них звучала сила, которую не передать на бумаге.

Один из них, дед Садык, помнил историю о том, как в Арысь приехал сам Вольф Мессинг — знаменитый маг и гипнотизер, который заставлял людей делать то, чего они не хотели, и внушал им мысли, которые они не думали. «Он выступал у нас, — говорил дед Садык, постукивая палкой по земле. — Сделал представление в Доме культуры. Все ахали, когда он отгадывал мысли. Потом сел в поезд и уехал дальше, в Москву». Сарымерген записывал каждое

слово, но в голове уже рисовалась картина: пыльная площадь, толпа людей, и этот человек с пронзительным взглядом, который, говорят, мог читать души.

Другой старик, дед Рахим, вспомнил Владимира Высоцкого. «Застрял у нас, — сказал он, улыбаясь беззубым ртом. — Поезд на Москву задержали, и он почти на сутки остался. Арысцы тогда побежали в Дом культуры, уговорили его выступить. Он пел, гитару держал, и так пел, что женщины плакали. Потом сел в поезд и уехал. А мы еще долго его песни перепевали». Сарымерген улыбнулся — Высоцкий, в его городе! Это было что-то невероятное, почти мифическое, как и история с пианистом в 1919 году.

Еще один старик, дед Темир, сидел в тени старого карагача и молчал. Сарымерген думал, что тот спит, но потом дед открыл глаза и сказал: «Ильф и Петров. Ты слышал про них?» Сарымерген кивнул, хотя не совсем понимал, при чем здесь Ильф и Петров. «В "Золотом теленке" — помнишь? — говорили про Арысь. Поезд, станция, что-то такое. Они тоже у нас проезжали. Все проезжали. Мы были воротами. Воротами в Азию».

Воротами в Азию — это выражение отозвалось в душе Сарымергена чем-то важным. Да, Арысь действительно была воротами. Начиная с 1900 года через эту станцию шли товары, люди, идеи. Рельсы соединяли Центральную Азию с Россией, с Европой, и Арысь стояла на этом пути, как стражник, пропускающий караваны в оба конца. Но эти ворота были открыты задолго до рельсов. Через эту землю проходили древние караванные пути, веками везли шелк, специи, знания. И река Арыс, та самая, которую Гейер назвал «мелководным ручейком», была жизненной артерией, питавшей поля и души.

Сарымерген вспомнил отцовские рассказы о том, как их предки переходили эту реку весной, когда она разливалась и становилась бурным потоком, опрокидывающим арбы. «Гроза Чимкентско-Казалинского тракта», — писал Гейер. Вода сносила мосты и переправы, заставляла людей ждать по нескольку дней, пока стихнет стихия. И это была не просто река — это была граница, разделяющая и соединяющая.

А еще до рельсов здесь была почтовая станция. О ней писал Гейер в 1893 году, за семь лет до официальной даты основания. В письмах с дороги он описывал, как «переезжал реку Арысь», как останавливался у станции, где меняли лошадей. Там уже были люди, уже была жизнь, уже были судьбы. И эти люди, станционные смотрители, ямщики, купцы, проезжающие чиновники, создавали ту атмосферу, тот уклад, который потом, когда пришли рельсы, превратился в нечто большее.

Вечером Сарымерген сидел на крыльце дома своего дяди и смотрел на закат. Небо наливалось красным, оранжевым, фиолетовым — такими цветами, которые бывают только в степи, когда солнце уходит за горизонт и кажется, что весь мир горит. Где-то вдали слышался гудок поезда — тепловоз приближался к станции, везя товары, людей, письма, мечты. И Сарымерген вдруг отчетливо понял, что история Арыси не начинается в 1900 году. Она начинается гораздо раньше — с того момента, как человек впервые ступил на эту землю, впервые перешел реку, впервые назвал ее своим именем.

«Арыс», — прошептал он, пробуя это слово на вкус. Древнее имя. Оно пахло полынью, верблюжьей шерстью, пылью, остывающей после жаркого дня, и чем-то еще — вечностью. «Арыс», — повторил он, и ему показалось, что ветер донес до него голоса предков. Голоса тех, кто пас здесь скот, кто воевал за эту землю, кто строил на ней города, которые потом превращались в пески, и кто снова строил — на этот раз из кирпича и железа.

Он вспомнил рассказ деда Садыка о том, как в Арысь приезжал Валериан Куйбышев — нарком, который потом станет легендой, и как люди выходили встречать его на перрон, как махали руками, как кричали «ура!». И тут же — портрет Ильича в агитпункте, который освещался «при помощи трех семилинейных ламп, купленных за червонец». Мелкие детали, в которых чувствовалась жизнь — настоящая, грубая, не причесанная.

На следующее утро он пошел в городскую библиотеку. Библиотека была маленькой, с выцветшими книгами на полках и запахом старой бумаги, который смешивался с запахом пыли и типографской краски. Библиотекарь, пожилая женщина в очках с толстыми линзами, удивилась, когда он попросил книги по истории края. «Кто этим интересуется? — спросила она. — Молодежь сейчас только про космос читает да про войну. А здесь — старые журналы, отчеты, всякая рухлядь». Но она дала ему то, что он просил. Вместе с книгами она вытащила из-под стола папку с пожелтевшими газетами и сказала: «Тут, может, найдешь что-то. Это еще из 20-х годов».

И Сарымерген нашел. В старой газете, выпущенной в Ташкенте в 1922 году, была заметка о культуре в регионах. Там упоминалась и Арысь. «В поселке Арысь Сыр-Дарьинской области, — говорилось в заметке, — благодаря усилиям местной интеллигенции, открыта школа для детей железнодорожников, где преподаются не только общеобразовательные дисциплины, но и музыка, и рисование. Местный учитель, человек редкого энтузиазма, господин Жилиев, основал при школе оркестр, который выступает на всех местных праздниках».

Господин Жилиев! Та самая фамилия, которую он видел в архивной записке — заведующий отделом народного образования, который должен был ехать в Ташкент за деньгами на художественную школу и танцевальный класс. Жилиев — человек, который создавал культуру в поселке, который боролся за то, чтобы дети играли на скрипках, а не только знали, как управлять паровозом. Сарымерген почувствовал благодарность к этому человеку, которого никогда не видел, но который стал для него почти родным. Он представил Жилиева — высокого, худого, с горящими глазами, который ходил по кабинетам чиновников и доказывал, что Арысь заслуживает не только рельсов и составов, но и музыки, и красоты.

Он стал искать информацию о Жилиеве. В архиве нашел еще одну записку, где говорилось, что «заведующий отделом народного образования тов. Жилиев» подал прошение о выделении средств «для организации школы художеств и танцевального класса». И в той же записке — ответ, что «средств нет, но вопрос будет рассмотрен на следующем заседании». Это «будет рассмотрено» длилось годами. А дети ждали. Ждали скрипки, ждали красок, ждали учителя, который научит их танцевать, и который получал зарплату с задержкой на три месяца.

Сарымерген понял, что в его курсовой работе должна быть не просто история дат и событий. В ней должны быть люди. Те, кто строил дорогу, кто торговал лесом и керосином, кто открывал аптеки и консерватории. Те, кто боролся за то, чтобы в Арыси был пианист, и те, кто не получал зарплату, но все равно приходил в школу и учил детей. Те, кто вез на арбах доски и гвозди, а обратно — мешки с зерном. Те, кто проезжал через Арысь и оставлял здесь частичку себя.

Он вспомнил прошение аптекаря Сендерович-Циперсона — и улыбнулся. Еврей из Ташкента, который хотел лечить людей в маленьком поселке. Он, наверное, был смешным в своем сюртуке среди степняков, но он был нужен. Аптеки в Арыси не было, и люди болели, и кто-то умирал, потому что не было лекарств. Он приехал и открыл аптеку. И, наверное, лечил не только русских и евреев, но и казахов, и узбеков, и всех остальных. Потому что болезнь не смотрит на национальность, а лекарство — лекарство одинаково помогает всем.

Сарымерген начал систематизировать все, что нашел. В его тетради появились разделы: «До железной дороги: почтовая станция и река Арыс», «Строительство магистрали: 1900-1905», «Арысь в начале XX века: торговля и экономика», «Культура и образование в Арыси: 1918-1920-е годы», «Арысь — узел двух дорог». Он писал быстро, почти не останавливаясь, слова лились из него, как вода из переполненного колодца. Ему казалось, что он слышит голоса всех этих людей — инженеров, учителей, учеников, аптекарей, подрядчиков, торговцев. Они говорили с ним, рассказывали свои истории, просили, чтобы он не забыл их.

Но была одна вещь, которая не давала ему покоя. Название. Арыс или Арысь? В архивах писали с мягким знаком — Арысь. В официальных документах после революции — тоже

Арысь. В письме аптекаря — Арысь. В записке партийного инструктора — Арысь. Но сам город, его жители, его улицы, его душа — они всегда были просто Арыс. Без мягкого знака. Так было правильно, так было по-казахски, так звучало древнее имя прародителя, от которого пошли три сына.

Он помнил, как отец сердился, когда кто-то говорил «Арысь». «Нет, — говорил отец, — только Арыс. Твердо. Как сталь. Как характер нашего народа». И хотя Сарымерген не совсем понимал, почему эта буква так важна, он чувствовал, что в ней заключается что-то глубокое. Мягкий знак — это русское влияние, это попытка переделать название на свой лад, сделать его удобным для чужого языка. А Арыс — это было изначальное, исконное, как сама степь, как река, как древние курганы, которые стояли здесь задолго до того, как первый русский чиновник произнес это слово.

Он решил спросить об этом у своего научного руководителя, старого профессора, который специализировался на топонимике. Профессор был лысым, с большой бородой и очками на кончике носа. Он выслушал Сарымергена, почесал затылок и сказал: «Интересный вопрос, юноша. Дело в том, что в русском языке есть правило: имена собственные при транскрипции часто приобретают мягкий знак, потому что так их удобнее произносить. Но если мы говорим об этимологии, если мы говорим о происхождении, то Арыс — это Арыс. И точка. И я думаю, что для своей работы ты должен использовать именно этот вариант. Это будет правильно и исторически, и лингвистически».

Сарымерген кивнул. Он уже решил, что в его курсовой работе будет только Арыс. Без мягкого знака. Как называли его предки. Как называл он сам, когда был маленьким мальчиком и бегал по пыльным улицам, вдыхая запах степи и слушая гудки паровозов.

Он сидел в своей комнате в общежитии, и перед ним лежали стопки бумаг. Рукопись курсовой работы росла на глазах. Он писал о почтовой станции 1866 года, о Гейере, который проезжал здесь в 1893-м, о строительстве железной дороги, о том, как поселок превращался в центр торговли — лесные склады, хлебные магазины, керосиновые лавки, семьдесят лавок! Годовой оборот в три с половиной миллиона рублей! А потом — революция, гражданская война, и вдруг — музыкальная школа, консерватория, ученический оркестр, призыв прислать пианиста.

Он писал и чувствовал, как его собственное восприятие города меняется. Раньше Арыс для него был просто местом, где он родился, местом скучным и провинциальным, откуда все мечтали уехать. А теперь он видел его иначе. Арыс — это живое существо, которое дышит, которое помнит свою историю, которое хранит в своей памяти имена и голоса людей, живших здесь столетия назад.

Он вспомнил один случай из детства. Ему было лет десять, и он играл с мальчишками на пустыре возле вокзала. Они копали ямы, строили из песка крепости, когда вдруг лопата наткнулась на что-то твердое. Они стали копать дальше и нашли старую железную пряжку, почерневшую от времени, и несколько медных монет. Они отнесли находку в школу, учитель истории посмотрел на нее, покачал головой и сказал: «Это, наверное, еще с дореволюционных времен». Тогда Сарымерген не придавал этому значения, но теперь понял: под ногами в его родном городе лежит целый слой истории. Не только железной дороги, но и более древней, более глубокой.

А еще он вспомнил о Баба-Туймесе — старом ауле, который, говорят, существовал здесь до того, как пришли рельсы. Он не знал точно, где он находился — одни говорили, что на месте нынешнего вокзала, другие — что немного южнее, где сейчас частные дома. Но он помнил, как отец рассказывал, что в Баба-Туймесе была мечеть, был базар, были люди. И что когда началось строительство железной дороги, этот аул пришлось перенести. Люди не хотели уходить — они

жили здесь веками, их предки были похоронены в этих песках. Но дорога была важнее. Дорога была будущим. И люди ушли.

Где сейчас их могилы? Где сейчас та мечеть? Где тот базар, на котором торговали еще в XIX веке? Сарымерген чувствовал, что ответы на эти вопросы — не в архивах, а в душах людей, которые помнят. И он решил, что в его курсовой работе будет отдельная глава — о том, что было до железной дороги. О том, что Арыс не родился в 1900 году, а просто переродился, изменил свой облик, но сохранил свою душу.

Наступил вечер, и за окном общежития зажглись огни — редкие, тусклые, но уютные. Сарымерген отложил ручку и вышел на балкон. Ветром с юга пахло пылью и ночной прохладой. Где-то вдалеке слышался гудок поезда — «родной голос», как называл его дядя Касым. Сарымерген закрыл глаза и прислушался. В этом гуде ему слышались не только стальные колеса и тепловозные двигатели, но и голоса людей — тех самых, о которых он писал. Инженеров из царской России, которые строили магистраль и не знали, что скоро их жизнь изменится навсегда. Подрядчиков, которые скупали землю, предвидя будущий бум. Торговцев, которые везли на рынки Арыси лес, керосин, гвозди. Учителей, которые не получали зарплату, но все равно приходили в школу. Музыкантов, которые играли в оркестре и мечтали о пианисте. Детей, которые учились рисовать и играть на скрипках.

Все они были частью одной истории. Истории города, который не хотел, чтобы его забывали. Истории, которую Сарымерген должен был рассказать.

Он вернулся в комнату, сел за стол и написал заголовок новой главы: «Жизнь до рельсов: древняя душа Арыса». И продолжил писать. Он писал о том, что река Арыс упоминается в путевых записках еще с XVI-XVII веков, что на ее берегах жили люди, пасли скот, сеяли пшеницу, строили дома. Что в 1866 году здесь уже была почтовая станция, о которой упоминают в документах. Что в 1893 году Гейер проезжал здесь и описал реку, которую считали «грозою тракта». Что жизнь здесь была, была настоящей, кипучей, хотя и не такой масштабной, как после прихода железной дороги.

Он писал о том, что строительство магистрали Оренбург-Ташкент дало мощный толчок развитию, но не создало город из ничего. Оно лишь ускорило то, что уже было. Превратило маленькое поселение в крупный центр. И что люди, которые приехали строить дорогу, не были чужими — они стали частью этой земли, они принесли с собой культуру, знания, традиции, которые смешались с местными и создали то уникальное явление, которое потом назовут «арыским духом».

А еще он писал о том, что Арыс всегда был местом встречи. Восточные купцы встречались здесь с западными торговцами. Русские инженеры — с местными строителями. Музыканты — с художниками. Учителя — с учениками. И из этих встреч рождалось нечто новое, нечто прекрасное, нечто, что делало Арыс не просто узловой станцией, а настоящим городом с настоящей душой.

Уже глубокой ночью, когда соседи по комнате давно спали и только ночник горел на столе, Сарымерген поставил последнюю точку. Он перечитал написанное, закрыл глаза и мысленно произнес: «Спасибо, Арыс. Спасибо тебе за то, что ты есть. За то, что ты помнишь. За то, что ты научил меня слышать голоса тех, кто жил до меня».

Он задул свечу, которая горела на столе — в память о тех, кто не дождался пианиста, но все равно продолжал играть свою музыку в этом пыльном и жарком городе, который стоял на границе между прошлым и будущим. И ему показалось, что в тишине ночи он услышал звуки фортепиано — тихие, нежные, словно кто-то играл в далеком 1919 году, мечтая о том, что его услышат когда-нибудь, через много лет, и запомнят.

Сарымерген улыбнулся, закрыл тетрадь и лег спать. Ему снилась музыка — и город, который рождался из звуков, из красок, из любви. Город, который был его домом.

Глава вторая. Язык песка и стали

Наутро Сарымерген проснулся от того, что кто-то настойчиво стучал в дверь общежитской комнаты. Стук был тяжелым, размеренным, как удары кузнечного молота по наковальне, и в нем чувствовалась та самая казенная настойчивость, которая не терпела возражений. Он открыл глаза и сразу понял — декан. Только декан умел стучать именно так, словно выколачивал из двери признание в несовершенстве социалистического строительства.

— Арыстанбеков! — голос декана прорезал утреннюю тишину, и Сарымергену показалось, что вместе с голосом в комнату ворвался запах формалина и казенной бумаги. — Я знаю, что вы здесь. Открывайте.

Сарымерген вскочил с кровати, поправил майку, натянул на себя брюки и открыл дверь. Декан стоял на пороге — маленький, сухой, как прошлогодняя ветка, с глазами, которые, казалось, видели сквозь стены. Его лицо было непроницаемым, как бетонная плита, но в уголках губ уже затаилась усмешка — та самая, которой он встречал всех студентов, когда собирался сделать им выговор.

— Арыстанбеков, — повторил он, входя в комнату и оглядывая ее с презрительным прищуром. — Мне доложили, что вы не посещаете занятия по научному коммунизму. И что вы занимаетесь какой-то ерундой вместо того, чтобы писать курсовую работу по утвержденному плану. Я хочу знать, что вы делаете.

Сарымерген почувствовал, как кровь приливает к лицу. Ему захотелось сказать правду, всю правду, про древнюю почтовую станцию, про ученический оркестр, про пианиста, про музыкальную школу с шестьюдесятью восемью учениками. Но он знал, что если начнет говорить правду, то его курсовая работа рискует превратиться в докладную записку в отдел кадров, а сам он — в студента с «неблагонадежной биографией». Он сглотнул и сказал:

— Я работаю над темой, товарищ декан. Изучаю архивные материалы.

— Архивные? — декан хмыкнул. — И что же вы там нашли, интересно? Надеюсь, не какие-нибудь буржуазные выдумки о том, что Арыс существовал до революции? Я читал ваш предварительный план. Что это за чушь про «доиндустриальный период»? Арыс — это дитя социалистической индустриализации. Город возник благодаря железной дороге, которую строили русские рабочие под руководством партии большевиков. Точка. Все остальное — это ревизионизм и националистические пережитки.

Он говорил быстро, отрывисто, словно цитировал учебник, который заучил наизусть. И в этих словах была сила — та самая сила, которой обладают только люди, уверенные в своей правоте. Сарымергену захотелось возразить, сказать, что в архивах лежат документы, которые противоречат этой точке зрения, но он промолчал. Он знал, что спорить с деканом — все равно что спорить со стеной.

— Я учту ваши замечания, товарищ декан, — сказал он наконец, опустив глаза.

— Учите, — декан кивнул и, развернувшись, вышел из комнаты так же внезапно, как и появился.

Сарымерген остался стоять посреди комнаты, чувствуя, как его сердце колотится в груди. Он был зол. Зол на декана, зол на эту систему, которая заставляла его врать, зол на самого себя за то, что не посмел сказать правду. Но он знал, что правда — это не просто слова. Правда — это то, что можно доказать. И он решил, что докажет. Обязательно докажет.

Он взял свои записи и отправился в городскую библиотеку. В кармане у него лежала копия того самого документа — записки партийного инструктора о народной консерватории и недостатке пианистов. Он хотел найти еще что-нибудь, еще какие-нибудь свидетельства, которые подтверждали бы, что Арыс существовал до железной дороги.

Библиотека была пуста. В читальном зале сидела только та самая женщина с толстыми очками, которая в прошлый раз дала ему старые газеты. Она увидела его и улыбнулась — улыбка у нее была доброй, теплой, как луч солнца в холодный день.

— Опять пришел? — спросила она. — Ищешь что-то конкретное?

— Да, — ответил Сарымерген. — Мне нужна информация о старых аулах, которые были на месте Арыса до 1900 года. О Баба-Туймесе. Вы что-нибудь о нем слышали?

Библиотекарь задумалась, почесала подбородок и сказала:

— Баба-Туймес... Кажется, я что-то читала о нем. В старых краеведческих сборниках. Подожди, я посмотрю.

Она ушла в подсобку и долго там что-то искала — слышно было, как она перебирает стопки книг, как кашляет от пыли, как бормочет себе под нос что-то неразборчивое. Сарымерген ждал, глядя в окно, за которым уже разгоралось утро. Солнце поднималось над степью, и его лучи проникали в библиотеку, освещая пыльные полки и старые книги.

Наконец библиотекарь вышла с небольшой книгой в руках. Книга была старой, с потрепанным переплетом, и пахла временем — тем особым запахом, который можно почувствовать только в старых библиотеках, когда открываешь книгу, которую никто не открывал десятилетиями.

— Вот, держи, — сказала она, протягивая книгу. — Это «Краеведческие очерки Сыр-Дарьинской области», издание 1925 года. Здесь есть упоминание о Баба-Туймесе. И о других аулах, которые были на этом месте.

Сарымерген взял книгу с благоговением, как священную реликвию. Он открыл ее на титульном листе и начал перелистывать. Страницы были пожелтевшими, и на некоторых из них были следы воды или кофе — книга явно пережила многое. Он нашел нужный раздел и начал читать.

«В окрестностях станции Арыс, — говорилось в книге, — до начала строительства железной дороги существовало несколько небольших аулов. Крупнейшим из них был Баба-Туймес, в котором насчитывалось до сорока дворов. Жители этих аулов занимались земледелием и скотоводством, а также поддерживали торговые отношения с купцами из Чимкента и Ташкента. На базарах Баба-Туймеса продавали зерно, шерсть, кожи, а также изделия местных ремесленников — ковры, войлоки, посуду. В ауле была мечеть, построенная в конце XIX века, и школа, где дети учились читать Коран. После начала строительства железной дороги аул был перенесен на новое место, а на его землях были построены жилые и промышленные здания станции».

Сарымерген прочитал это вслух, шепотом, чтобы не спугнуть тишину библиотеки. Баба-Туймес. Сорок дворов. Мечеть. Школа. Базар. Все это существовало здесь, на этой земле, до того, как пришли рельсы. И люди, которые жили здесь, не были просто «пережитками прошлого». Они были предками, они были корнями, они были той самой основой, на которой потом вырос новый город.

Он закрыл книгу и подумал: если бы декан прочитал это, он бы, наверное, обвинил автора книги в «буржуазном национализме» или «идеализации дореволюционного прошлого». Но факты оставались фактами. Аулы существовали. Люди жили. Жизнь кипела. И эту жизнь нельзя было вычеркнуть из истории, как ненужную страницу.

Сарымерген взял книгу с собой и пошел в парк. Парк был небольшим, с несколькими старыми тополями и скамейками, на которых сидели пенсионеры. Он сел на одну из скамеек, открыл книгу и продолжил читать. Кроме Баба-Туймеса, в книге упоминались и другие аулы — Кара-Туймес, Кызыл-Туймес, Базар-Туймес. Все они были расположены вдоль реки Арыс, и все они исчезли, когда железная дорога проложила свой путь через эту землю.

Сарымерген подумал о том, как люди покидали свои дома. Как они собирали пожитки, грузили их на арбы, запряженные верблюдами и лошадьми, и уезжали в неизвестность. Как

старики плакали, покидая могилы своих предков, как женщины прижимали к груди детей, как мужчины, сжав кулаки, смотрели на то, как бульдозеры сносят их дома, чтобы на их месте построить новые — дома для железнодорожников, которые приедут через год, через два, через десять лет.

Это была трагедия. Но это была и необходимость. Потому что без железной дороги не было бы Арыса. И Сарымерген понимал это. Но он также понимал, что история не должна быть односторонней. В ней должно быть место и для трагедии переселенцев, и для радости строителей, и для музыки, которая звучала в пыльных аулах, и для той музыки, которая зазвучит в поселке через несколько лет.

Он вспомнил еще один документ, который нашел в архиве. Это был список жителей Арыса за 1906 год. Там были имена русских, украинцев, татар, евреев, армян, и, конечно, казахов. Все они жили рядом, работали вместе, строили общий город. И в этом списке были не только подрядчики и лавочники, но и ремесленники, учителя, врачи, музыканты.

Один из них, по имени Ахметжан, был скрипачом. Сарымерген нашел эту запись случайно, в старой ведомости, где перечислялись жители поселка и их профессии. Против имени Ахметжана было написано: «музыкант, скрипка, 26 лет, холост, из аула Баба-Туймес». Ахметжан из Баба-Туймеса. Он пришел в новый поселок, в этот мир железа и пара, и принес с собой свою скрипку. И, наверное, он играл на ней, когда наступал вечер и в поселке зажигались огни. И, наверное, его музыка смешивалась с гудками паровозов и создавала тот самый «арысский дух», о котором говорят старожилы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.